

ББК
84(3)
(Р.Ф.)
М 763

МОЛЬЕР

СКУПНОЙ

ГОСЛИТИЗДАТ • 1937

МОЛЬЕР

СКУПОЙ

Комедия
в пяти действиях

Перевод В. Лихачева

Режиссерский комментарий

Ю. Кренке

Средне-Сибирский
Дом в Сибирии СССР
РАЙАБЧКО
РАЙАБЧЕНСКО
Д. С. И. Р. О. Х. О. Б.
№ 1053

Научная библиотека СФУ

A1451186B

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1937

552718

БИБЛИОТЕКА
ФГАОУ ВО
Сибирский федеральный
университет

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Гарпагон, отец Клеанта и Элизы, влюбленный в Марианну:

Ансельм, влюбленный в Элизу.

Клеант, сын Гарпагона, возлюбленный Марианны.

Элиза, дочь Гарпагона, возлюбленная Валера.

Валер, возлюбленный Элизы.

Марианна, возлюбленная Клеанта.

Фрозина, женщина на все руки.

Симон, маклер.

Жак, повар и кучер Гарпагона.

Лафлеш, слуга Клеанта.

Клода, служанка Гарпагона.

Брендавуан }
Ламерлуш } слуги Гарпагона.

Комиссар.

Писарь.

Действие происходит в Париже, в доме Гарпагона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Элиза, Валер.

Валер. Но что же это такое, милая Элиза? Вы только что уверяли, что никогда не измените мне, а теперь задумались. Я в восторге, а вы вздыхаете. Уж не стало ли вам жалко, что вы меня осчастливили, или вы раскаиваетесь в том, что уступили моим просьбам и дали слово?

Элиза. Мне не в чем раскаиваться, Валер. Все это слишком приятно, и у меня не хватило бы силы отказаться от всего этого... Но, если уж говорить правду, я тревожусь о том, что

будет; я боюсь, не люблю ли я вас несколько больше, чем следует...

Валер. Можно ли бояться, Элиза, когда делаешь доброе дело?

Элиза. Ах, многого можно бояться: рассердится отец, станет упрекать семья, осудит свет... но больше всего боюсь я, Валер, что изменится ваше сердце, что вы охладете ко мне, как это часто бывает, если мы уж очень пылко и доверчиво любим... вот это ужасно.

Валер. О, не обижайте меня, не судите обо мне по другим. Подозревайте меня во всем, Элиза, но только не в том, чтобы я мог изменить своему долгу. Я слишком сильно люблю вас для этого и буду любить, пока жив...

Элиза. Ах, Валер, не вы один это говорите. Послушайте — все люди одинаковы, а на деле — какая между ними разница.

Валер. Так и судите меня на деле, судите по тому, как я буду вести себя, а не по тому, что вам представляется. Умоляю вас: будьте справедливы и не убивайте меня этими оскорбительными подозрениями, дайте мне время доказать, как я люблю вас.

Элиза. Когда любишь, так охотно веришь. Ну да, Валер, я не считаю вас способным обмануть меня; я верю, что вы действительно любите и никогда мне не измените; я ни в чем

не хочу сомневаться; но что скажут... Вот чего я боюсь и отчего мне грустно...

Валер. Что же скажут?

Элиза. Я бы ничего не боялась, если бы все знали вас так, как я вас знаю. Мне этого довольно; мое оправдание в том, что вы для меня сделали и за что я должна быть вам вечно благодарна. Я никогда не забуду этого ужасного случая, когда мы впервые увидели друг друга; никогда не забуду, с каким удивительным самоотвержением спасли вы меня из воды, с какой нежной заботливостью привели меня в чувство, как потом вы были почтительны и терпеливы в своей любви ко мне, как, ради меня, вы пренебрегли родными и родиной, остались здесь и, чтоб не расставаться со мной, не задумались поступить в услужение к моему отцу... Никогда я этого не забуду — иначе бы я не дала вам слова. Но другим, может быть, этого мало и поймут ли они меня...

Валер. Ваше оправдание не только в том, что я люблю вас: напрасно вы это говорите. Ваш отец — вот ваше оправдание, если уж оно необходимо: при его страшной скупости, при его строгости к детям и не то еще извинить можно. Простите меня, дорогая Элиза, что я говорю это: вы знаете, что тут ничего другого и не скажешь... Наконец, как только мне удастся — на что я надеюсь — найти отца и мать, тогда

нам легко будет с ним сладить. Я с нетерпением жду известий и, если они запоздают, я сам за ними отправлюсь...

Элиза. Ах, Валер, не оставляйте меня, прошу вас. Старайтесь понравиться отцу — только это и нужно...

Валер. Я и то стараюсь: вам известно, к каким я должен был прибегнуть уловкам, чтобы попасть к нему в услужение, и на какие хитрости приходится мне пускаться, чтобы снискать его доверие, и я вижу огромные успехи. Подражай людям в их склонностях, следуй их правилам, потворствуй их слабостям, восторгайся каждым их словом и поступком и делай из них, что хочешь... Это — самый лучший путь, — я теперь убежден. Пересаливать не годится, но играть в открытую можно смело: тут и самый умный человек попадетсЯ, как последний дурак, явный вздор, явную нелепость проглотит и не поморщится, если только это кушанье хорошо приправлено лестью. Нельзя сказать, чтобы я действовал добросовестно; но когда люди нужны, к ним необходимо применяться и, раз другого средства нет, виноват уже не тот, кто льстит, а тот, кто желает, чтобы ему льстили...

Элиза. Хорошо было бы, если бы вы и с братом подружились: на прислугу полагаться опасно, вдруг надумает выдать нас...

Валер. С обоими я, пожалуй, не слажу. Они

так друг на друга непохожи, что к ним сразу не подделаешься... Лучше уж вы об этом по-старайтесь, кстати, и дружба между вами большая... Да вот и он. Я ухожу. Поговорите-ка с ним теперь же, не очень только откровенничайте: так, сколько нужно...

Э л и з а. Не знаю уж, хватит ли у меня храбрости...

Валер уходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Э л и з а, К л е а н т.

К л е а н т. Ты одна, Элиза? Как я рад! Слушай, я должен открыть тебе тайну...

Э л и з а. Слушаю. Что ж ты скажешь мне?

К л е а н т. Многое скажу, многое в одном слове: я влюблен..

Э л и з а. Влюблен?

К л е а н т. Да, влюблен. Но погоди. Я знаю, что завишу от отца и, как сын, не смею выходить из его воли, что, без согласия родителей, мы не вправе заключить какие бы то ни было обязательства, что их желания должны быть нашими желаниями, других же иметь мы не можем, что, так как они застрахованы от всяких безумств, то у них и ошибок меньше, чем у нас,

и им виднее, что нам пригодно, что нет; они знают, что благоразумие просвещает, а страсть ослепляет, что увлечения молодости почти всегда приводят нас к гибели, и так далее... Все это я говорю тебе, Элиза, для того, чтобы ты мне этого уж не говорила: я влюблен и глух, — так и знай.

Элиза. Ты посватался, Клеант?

Клеант. Нет; но это решено. И еще раз прошу тебя — ни слова против...

Элиза. Ты считаешь меня способной на это?

Клеант. Нет, Элиза, но ты не влюблена, ты не знаешь, какую власть имеет любовь над сердцем, и я боюсь твоей рассудительности.

Элиза. Ах, не будем говорить о моей рассудительности, Клеант. Кто не терял ее хоть раз в жизни? И, открой я тебе свое сердце, ты увидел бы, может быть, что я гораздо меньше твоего рассудительна...

Клеант. Твое сердце? О если бы оно...

Элиза. Поговорим сначала о тебе. В кого ты влюблен?

Клеант. В молодую девушку, которая недавно поселилась в наших краях и которую нужно только увидеть, чтобы полюбить... Никогда еще природа не создавала ничего подобного: с первой же встречи я пришел от нее в восхищение. Зовут ее Марианной; живет она с больной матерью, страстно любит ее и так ла-

сково за ней ухаживает, что просто умиляешься, глядя на это. Что бы она ни делала, все у нее мило: это — сама прелесть, сама нежность, сама доброта, сама чистота, сама... Ах, если бы ты увидела ее, Элиза.

Элиза. Я и теперь ее вижу. Ты любишь ее, и этого для меня довольно...

Клеант. Я узнал стороной, что они очень небогаты и с большим трудом перебиваются. Представь же себе, Элиза, радость облегчить нужду той, которую любишь, и помочь хорошим людям хоть немного, но так, чтобы они не заметили. Представь и пойми, каково мне чувствовать, что я, по скупости отца, принужден отказаться от этой радости и ничем, ничем не могу доказать свою любовь.

Элиза. Да, я понимаю, как тебе должно быть горько!..

Клеант. То есть так горько, что и сказать нельзя!.. В самом деле, что может быть ужаснее этой суровой, черствой, непонятной скарденности, в которой нас постоянно держат? На что нам богатство в будущем, когда мы не можем воспользоваться им теперь, пока молоды, когда я весь в долгах, потому что иначе мне жить не на что, когда нам с тобой приходится прибегать к разным уловкам, чтобы хоть мало-мальски прилично одеваться!? Помоги мне в моей попытке узнать, как отец отнесется к моему делу;

заупрямится он, тогда я уеду отсюда вместе с Марианной — так уж я решил; бог даст, проживем как-нибудь. Перехвачу, где можно, деньжонок... и знаешь ли что, Элиза, если и ты в таком же положении, как я, уедем оба; бросим отца и освободимся, наконец, от этого невыносимого гнета...

Элиза. Да, с каждым днем все больше и больше чувствуешь, как тяжело без матери и как...

Клеант. Я слышу его голос... Уйдем, потолкуем и предпримем что-нибудь решительное!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ III

Гарпагон, Лафлеш.

Гарпагон. Вон сию же минуту, без возражений! Убирайся, мошенник! С глаз моих долой, висельник!

Лафлеш (*про себя*). Отродясь не видывал я ничего злее этого проклятого старикашки; и я, грешный человек, думаю, что в нем чорт сидит...

Гарпагон. Что ты там бормочешь?

Лафлеш. За что вы меня гоните?

Гарпагон. И ты еще спрашиваешь, негодяй?.. Вон, пока я тебя не исколотил!

Лафлеш. Что я вам сделал?

Гарпагон. Я хочу, чтоб ты убирался — вот что!..

Лафлеш. Ваш сын, сударь, приказал мне дожидаться его.

Гарпагон. Дождись на улице, а не у меня в доме... Нечего тебе здесь торчать, высматривать да вынюхивать. Соглядатай, предатель, так и следит, так и шарит глазами, так ему и надо подсмотреть, что я делаю, где плохо лежит, нельзя ли стянуть что-нибудь? Надогло это мне...

Лафлеш. Чорта с два у вас что-нибудь стянешь, когда вы все под замком держите, да еще день и ночь сторожите.

Гарпагон. Держу под замком — значит нахожу это нужным, сторожу — значит мне так нравится... Сыщик тоже выискался — до всего ему дело!.. (Про себя.) А что, если он проведал о моих деньгах?.. (Громко.) Не вздумал ли ты рассказывать где-нибудь, что я деньги прячу?

Лафлеш. А вы-таки прячете?

Гарпагон. Я этого не говорю, бездельник!.. (Про себя.) Как он меня бесит!.. (Громко.) Я спрашиваю, не дернула ли тебя нелегкая рассказывать, что у меня есть деньги?

Лафлеш. Э, что нам за дело, есть ли у вас деньги или нет! Нам ведь от этого ни тепло, ни холодно...

Гарпагон (*замахнувшись, чтобы дать ему пощечину*). Ты еще рассуждаешь? Я тебя не учу рассуждать... Убирайся вон, в последний раз говорю тебе!

Лафлеш. Хорошо, я уйду...

Гарпагон. Пстой! Ничего не утащишь?

Лафлеш. Что от вас утащишь-то?

Гарпагон. Не верю! Покажи руки!

Лафлеш. Вот вам руки.

Гарпагон. Другие!

Лафлеш. Другие?

Гарпагон. Ну да!

Лафлеш. Вот...

Гарпагон (*показывая на его панталоны*). А туда ничего не спрятал?

Лафлеш. Посмотрите!

Гарпагон (*ощупывая его*). Эти широкие панталоны как раз на то и придуманы, чтобы прятать в них краденое. Вешать бы тех надо, кто такие панталоны носит..

Лафлеш (*про себя*). Ах, как он заслуживает того, чего боится: вот кого бы с радостью обокрал!

Гарпагон. А?..

Лафлеш. Что?..

Гарпагон. Что ты там говоришь: «обокрал?»

Лафлеш. Я говорю, что вы меня всего обшариваете, думаете, что я обокрал вас. .. а-

Гарпа
ваг ег

Лаф.

скряги

Гар'

Ла

Г

сг

стлив тот, кто может держать капитал в надежном месте, а в кармане иметь только на необходимые расходы... Куда их прятать? Железным сундукам я решительно не доверяю: это самая-то и есть приманка для воров, — на сундуки-то они первым делом и кидаются!..

ЯВЛЕНИЕ V

Гарпагон, Клеант, Элиза.

Клеант и Элиза разговаривают между собой в глубине.

Гарпагон (*думая, что он один*). Однако, я не знаю, хорошо ли я сделал, что зарыл в саду десять тысяч экю, которые мне вчера возвратили? Десять тысяч экю золотом дома — это, я вам скажу... (*Заметив Клеанта и Элизу.*) Боже, я сам себя выдаю: я слишком увлекся й, кажется, начал думать вслух... (*Клеанту и Элизе.*) Что такое?

Клеант. Ничего, батюшка...

Гарпагон. Вы давно здесь?

Элиза. Только что вошли.

Гарпагон. Вы слышали?..

Клеант. Что, батюшка?

Гарпагон. Да вот...

Клеант. Что?

Гарпагон. Что я сказал...

Клеант. Нет.

Гарпагон. Врешь, врешь!

Элиза. Простите...

Гарпагон. Вы кое-что слышали, — дело ясное... Это я сам с собой рассуждаю, как трудно теперь наживать деньги, и говорил, как счастлив тот, у кого есть дома десять тысяч экю...

Клеант. Мы боялись подойти, чтобы не помешать вам...

Гарпагон. Я очень рад, что сказал вам это, а то вы, чего доброго, поняли бы наоборот, вообразили бы, что я про себя говорю, будто у меня есть десять тысяч экю...

Клеант. Мы в ваши дела не мешаемся...

Гарпагон. Если б они у меня были — десять тысяч экю!

Клеант. Я не думаю...

Гарпагон. Уж как бы они пригодились мне!

Элиза. Это такое дело...

Гарпагон. Они мне очень нужны...

Клеант. Я полагаю, что...

Гарпагон. Это бы меня сильно поддержало!

Элиза. Да вы...

Гарпагон. И я не плакался бы, как теперь, на худые времена!

Клеант. Боже мой, вам ли плакаться, б

т्यूшка, когда всем известно, что вы достаточно богаты!

Гарпагон. Как, я достаточно богат!.. Кто это говорит, тот лжет!.. Вот уж напраслина! Одни мошенники могут распускать такие слухи!..

Элиза. Не сердитесь, батюшка..

Гарпагон. Вот собственные дети изменяют мне и становятся моими врагами.

Клеант. Разве говорить, что вы достаточно богаты, значит быть вашим врагом?..

Гарпагон. Да! Такие разговоры и твое мотовство приведут к тому, что мне когда-нибудь перережут горло, в надежде, что у меня денег куры не клюют...

Клеант. Какое же такое мое мотовство?

Гарпагон. Какое?! Да что может быть соблазнительнее того роскошного экипажа, в котором ты катаешься по городу? Вчера я бранил твою сестру за мотовство, но это еще хуже... Как тебя земля носит, верзилу этакого? Двадцать раз говорил я тебе, Клеант, что твое поведение страшно не нравится мне: ведь для того, чтобы так одеваться, ты должен обкрадывать меня, не иначе!

Клеант. Вас-то обкрадывать... Каким это образом?

Гарпагон. Почему я знаю! Ну, где ты можешь доставать деньги, чтобы жить так, как ты живешь?